

IV. РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ

УДК 821.161.1+808.1

А. В. УСПЕНСКАЯ

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

АНТИЧНАЯ РЕЦЕПЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ: ОТ ТРАВЕСТИИ К ТРАГЕДИИ

Ключевые слова: интертекстуальные связи, античная рецепция, Н. В. Гоголь.

В статье рассматриваются многообразные связи творчества Н. В. Гоголя с античной культурой. Античные элементы выполняют в его произведениях различные функции: с одной стороны, возведение сюжетов и образов к знаменитым архетипическим первоосновам дает возможность раскрыть их глубокий, неявный на первый взгляд смысл, придает повествованию универсальный характер. Вне античных коннотаций не могут быть до конца поняты и «Старосветские помещики», и сборник «Миргород» в целом, и повесть «Шинель». С другой стороны, они дают возможность Гоголю, сочетая травестийное и трагедийное, строить глобальные историософские и культурологические схемы, проясняя сложные взаимоотношения русской культуры и европейского Возрождения, а также возможности и перспективы дальнейшего пути России.

A. V. USPENSKAYA

Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences

RECEPTION OF CLASSICAL ANTIQUITY IN GOGOL'S WORK: FROM TRAVESTY TO TRAGEDY

Keywords: intertextual relations, reception of classical antiquity, N. Gogol.

The article deals with diverse connections of Gogol's works with classical culture. Antique elements in his works performed different functions: on the one hand — the construction of scenes and images to the famous archetypal first principles makes it possible to reveal their deep, implicit sense at first glance, gives the narrative a universal character. Outside the antique con-

notations it is impossible to understand the “Staroswetskiye pomeshchiki” as well as the collection “Myrgorod” as a whole, and the story “The Overcoat”. On the other hand — they give the opportunity to Gogol, combining travesty and the tragic, to build global and historic-cultural schemes, clarifying the complex relations between Russian Culture and the European Renaissance, and the opportunities and prospects for the future path of Russia.

Интертекстуальные связи, пронизывающие творчество Н. В. Гоголя, несмотря на обилие научной литературы, посвященной этому вопросу, и более чем полуторавековые плодотворные комментаторские усилия, еще нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении. В частности, немалый интерес представляют многообразные связи творчества Н. В. Гоголя с античной культурой, хотя и они уже привлекали внимание исследователей. Так, еще К. Аксаков обращал внимание на связь поэмы Гоголя «Мертвые души» с «Илиадой» Гомера, находя в ней «глубину, простое величие, всевидящий эпический взор, всеобъемлющее эпическое созерцание» [Аксаков, Аксаков, 1953, с. 66]. Эпические начала он находил также в «Шпоньке и его тетушке» и «Старосветских помещиках», правда, ограничивался лишь констатацией этого положения. Связи Гоголя с Гомером рассматривал и С. И. Радциг [Радциг, 1959, с. 129–133]. Г. А. Гуковский отмечал черты Золотого века в «Старосветских помещиках» [Гуковский, 1959, с. 79–80]. Сходство с изложенным у Овидия мифом о Золотом и Железном веках обнаруживает в сборнике «Миргород» И. А. Есаулов [Есаулов, 1995, с. 80]. Исследователи сближали с «Илиадой» повесть «Тарас Бульба» и приводили убедительные текстуальные доказательства прямого влияния гомеровской поэмы на Гоголя [Егунов, 1964, с. 126–128; Proffer, 1967, pp. 161–182; Вулих, 1984, с. 143–153; Вайль, Генис, 1991, с. 87–94]. Выявлялись связи «Ревизора» с политической комедией Аристофана [Иванов, 1926, с. 89–99], находили сходство поэмы «Мертвые души» с «Энеидой» Вергилия и «Метаморфозами» Овидия [Гриффитс, Рабинович, 2005, с. 99–172], было высказано соображение, что характеры героев «Мертвых душ» строятся по рецептам «Характеров» Феофраста [Вайскопф, 1993, с. 212, 444–445], в «Миргороде» видели переключки с «Параллельными жизнеописаниями» Плутарха [Гуковский, 1959, с. 131]. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки», прежде всего в повести «Майская ночь,

или Утопленница», современные исследователи находят элементы античного коммоса [Perlina, 2008, с. 151–168].

Однако в целом исследование античных реминисценций у Гоголя до сих пор носит характер разнородных, не систематизированных заметок. Смысл и значение обращений Гоголя к миру древней Греции, воспринимавшемуся писателем очень широко, как фундамент западной культуры, — во многом еще требует уяснения.

Прежде всего необходимо уточнить вопрос о знании Гоголем древних языков и в целом — об уровне образования, полученном в гимназии. Миф о плохой учебе и недостаточной образованности Гоголя создавался усилиями ряда его биографов еще в XIX в.¹, затем был поддержан В. Набоковым в его «Лекциях по русской литературе» [Набоков, 2001, с. 36]. Между тем созданная по примеру Царскосельского лицея Нежинская гимназия высших наук давала достаточно широкое образование². Ее устав, утвержденный Александром I, гласил: «Гимназия сия есть публичное учебное заведение. Она состоит между учебными заведениями в числе занимающих первую степень после университетов... и отличается перед губернскими гимназиями высшей степенью преподаваемых в ней предметов» [Иофанов, 1951, с. 135]. Десятый параграф устава гимназии перечислял преподаваемые предметы: «1) закон Божий, 2) языки и словесности российская, латинская, греческая, немецкая и французская, 3) география и история, 4) науки физико-математические, 5) политические 6) военные и, сверх того, танцы, рисование и черчение» [Там же]. На выпускных экзаменах Гоголь получил по 20 предметам — «отлично», по трем — «хорошо», и только по дифференциальному исчислению «удовлетворительно». Таким образом, по латыни он имел отличные оценки. В гимназии преподавали и греческий язык, но в какой степени овладел им Гоголь — судить трудно. По воспоминаниям друзей, Гоголь, живя за границей в гостях у Жуковского, помогал ему советами в работе над переводом «Одиссеи». Биографы Гоголя, как правило, этот факт достоверным не считают. Однако о пристальном интересе к переводу свидетельствует, например письмо к Н. М. Языко-

¹ См., например: [Николай М., 1856, с. 20–21; Лавровский, 1879, с. 52].

² О гимназических годах Гоголя см.: [Иофанов, 1951].

ву от 2 января 1845 г., где Гоголь, живший в то время у Жуковского, сообщает, что переведено уже двенадцать песен: «Перевод этот есть решительно венец всех переводов» [Гоголь, 1952, с. 444]. 4 июля 1846 г. Гоголь из Карлсбада посылает П. А. Плетневу свою статью «Об Одиссее, переводимой Жуковским» и просит напечатать ее в «Современнике», а потом во всех журналах, «которые больше расходятся в публике».

Небезынтересно проследить происхождение легенды о плохой учебе Гоголя и прежде всего о незнании им древних языков. Можно выявить два наиболее очевидных источника: во-первых, это воспоминания соучеников из аристократических семейств, прежде всего В. И. Любича-Романовича, в которых говорили сословные предрасудки, смешанные с завистью, во-вторых, это воспоминания учителя латыни И. Г. Кулжинского. Однако признать его воспоминания заслуживающими доверия трудно, так как он был весьма пристрастен. Гоголь писал 19 марта 1827 г. своему другу Г. И. Высоцкому о насмешках всего класса над Кулжинским, опубликовавшим книгу «Малороссийская деревня» — консервативно-сентименталистскую идиллию, рисующую жизнь украинской деревни как «сокращенный Эдем»: «Этот литературный урод причиной всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки...». Доведенный до отчаяния Кулжинский «...решился униженно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его» [Иофанов, 1951, с. 173]. Похоже, что Гоголь был одним из главных насмешников. Не удивительно, что Кулжинский в воспоминаниях дает ложные указания на то, что Гоголь плохо учился в гимназии и «не знал спряжения глаголов ни на одном языке», представляя собой «почву невозделанную и необработанную» («terra rudis et inculta»), хотя по латинскому языку Гоголь имел у него высший балл [Иофанов, 1951, с. 144].

Вопрос о знании Гоголем древних языков достаточно важен: нет сомнений, что многие античные тексты были ему известны не только в переводах, но и в подлиннике.

Большинство античных рецепций, представляющих собой средства из арсенала Гоголя-сатирика, были уже отмечены в научной литературе, однако они рассматривались вне связи с мировоз-

зрением писателя. Между тем именно они наглядно демонстрируют, что для Гоголя российский путь ускоренного усвоения античных и — шире — западных культурных ценностей представлял определенную проблему.

Важно отметить, что элементы античной культуры, непосредственно связанные прежде всего с древнегреческой мифологией, в 1830-х гг. уже утрачивают роль привычной для конца XVIII — начала XIX вв. эмблематики, призванной эстетизировать повествование. Напротив, они часто смотрятся у Гоголя в контексте российской жизни неорганично, а то и смехотворно. Приведем несколько примеров. В «Повести о том, как поссорились Иван Иванович и Иван Никифорович», как уже отмечено Ю. Манном [Манн, 1978, с. 110–111], некая порча, охватившая современную жизнь, ощущается даже в речи рассказчика — и связано это в том числе и с античными реминисценциями. Сравнительная характеристика обоих Иванов представляет собой пародию на «Параллельные жизнеописания» Плутарха [Гуковский, 1959, с. 131], при этом сравнение не выдерживается до конца: у Ивана Ивановича глаза табачного цвета и *рот*, похожий на ижицу, а у Ивана Никифоровича — маленькие глаза и *нос* в виде спелой сливы. Далее сравнение окончательно принимает иррациональный характер: боязливый характер Ивана Ивановича противопоставляется шароварам Ивана Никифоровича в широких складках. Сам Иван Иванович в минуту гнева приобретает сходство с римским трибуном, изображаемым с поднятой вверх рукой, но сходство это пародийное — рядом с «римским трибуном» — раздетый Иван Никифорович, разинувшая рот баба и мальчик, ковыряющий в носу [Гоголь, 1937–1952, т. 2, с. 238]³.

В повести «Невский проспект» нимфа «случайно залетает» на полотно начинающего художника, причем изображает ее он непременно вниз головой (3, 17). Но уже вовсе не случайным представляется то, что когда художник Чартков вместо пути совершенствования таланта избирает путь ремесленнических поделок, он обращается к расхожим, поверхностно воспринятым античным образам Психеи, Марса, Коринны, Аспазии, предпочтя,

³ В дальнейшем — ссылки в тексте, с указанием тома и страницы.

ради наживы, эти обобщенные, условные образы — живой жизни (3, 106–107).

В «Мертвых душах» античные элементы также подаются преимущественно в сатирическом освещении. Половой в трактире подбегает, «помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу» (6, 9) — сравнение почти гомеровское. В общей зале трактира изображена «нимфа с такими огромными грудями, каких читатель верно никогда не видывал» (6, 9). При этом упомянут и источник такого рода античных красот — Европа, откуда мы перенимаем культурные достижения, порой весьма неразборчиво: «Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии по совету везших их курьеров» (6, 9). В главе, посвященной Коробочке, упоминается правитель канцелярии — «Прометей, решительный Прометей», при виде начальника испытывающий перевоплощение, «какого и Овидий не выдумает» — в муху, «меньше даже мухи» (6, 49–50). Сам Чичиков, нашедший приют у Коробочки, после того как Селифан вывалил его из брички, снимает с себя «мокрые доспехи» (6, 47) — и, таким образом, пародийно сравнивается с потерпевшим кораблекрушение Одиссеем. Чиновник в присутствии «прислужился Чичикову, как Вергилий прислужился Данту» (6, 144). Пародийное сходство с античным поэтом, проводником Данте имеет и более глубокий смысл — Чичиков подобно Данте путешествует в первой части поэмы по «русскому аду». Председатель гражданской палаты, где Чичиков должен совершить купчую, «мог продлить и укоротить по его желанию присутствие, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрые ночи» (6, 139). Непрезентабельные чиновники высовывают в окна «неподкупные головы жрецов Фемиды» (6, 141), в грязных комнатах канцелярии «Фемиды просто, какова есть, в неглиже и халате, принимала гостей» (6, 141). Тут же встречается еще одно гомеровское сравнение: «Шум от перьев был большой и походил на то, как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями» (6, 142). На балу, в роковую минуту

перед самым появлением Ноздрева, Чичиков рассказывает губернаторской дочке о греческом философе Диогене (6, 171). Во второй части «Мертвых душ» помещик Кошкарев, одержимый манией прогресса на западноевропейский лад, мечтает о том, что мужик, идя за плугом, «будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Виргилиевы “Георгики” или “Химическое исследование почв”» (7, 63).

Больше всего античного материала содержится в главе, посвященной Манилову. Уже первая его характеристика иронически отсылает читателя к знаменитой оде Горация I, 1, перечисляющей различные устремления людей: конные состязания, политика, сельский труд, путешествия по торговым делам, досуг с чашей вина, война, охота [Horatius, 1982, f. 1–2]. Этим увлечениям, перечисляемым вполне серьезно, Гораций противопоставляет стремление к поэтической славе. У Гоголя мир увлечений предстает в травмированном виде: «У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки <...> третий мастер лихо пообедать, четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый <...> спит и грезит о том, как бы пройтись на гуляньи с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым; шестой уже одарен такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок...» (6, 24). Отметим, что Гоголь также перечисляет семь увлечений, но весьма причудливых, впрочем Манилов даже на этом фоне оказывается совершенно ничтожным.

Манилов культурнее, благообразнее всех прочих помещиков, но античная культура, занимающая в его существовании немалое место, выглядит причудливо и нелепо. «Храм уединенного размышления» посреди разоренного имения (6, 22) если напрямую и не вызывает античных ассоциаций, то и не исключает их. Попытка преобразовать жизнь по классическим рецептам явно не удастся. Чичиков видит у Манилова «щегольской подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями, с перламутровым щегольским щитом» (6, 25), что также выглядит нелепо: грации — богини

любви и красоты, их функции сугубо мирные, и они никогда не изображались в воинском вооружении.

Античный культ дружбы, исповедуемый Маниловым, также выглядит нелепой пародией: Манилову мечтается, что государь, узнав о его дружбе с Чичиковым, пожалует их генералами (6, 39). Возможным претекстом этого эпизода, причем лишенным какой-либо иронии, является сцена из четвертой песни «Одиссеи»: Менелай, принимая в гостях Телемаха, с сожалением говорит о несостоявшейся мечте о дружеском соседстве с его отцом, Одиссеем: «Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища; / Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном, / С целым народом...» и далее: «Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы / Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого / Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти»⁴ (кн. 4, ст. 174–175, 178–180. Пер. В. А. Жуковского). Как видим, Гоголем насмешливо отвергается возможность высокой самореализации героев в современной жизни.

Имена детей, Фемистоклос и Алкид (6, 30), свидетельствуют о том, что античная история, если и сохранилась в памяти Манилова, то в бессистемных обрывках: важно не только латинское окончание греческого имени, но и «отчество», используемое как имя (Алкид — потомок Алкея, родовое имя Геракла) и негероический характер отпрысков Манилова. Если бы Манилов немного лучше ориентировался в греческой истории, он, вероятно, назвал бы пару Фемистокл и Аристид — в честь знаменитых греческих политических деятелей, нередко упоминаемых вместе. Таким образом, имеет место мнемоническое подражание, механическое перенесение античных элементов на русскую почву.

В таком контексте и другая, более нейтральная деталь — каменный мост через *пруд*, о котором мечтает Манилов, — также может быть воспринята как дань неопределенно-античному колориту, которому так привержен этот персонаж (6, 25). Но именно эта деталь может убедить внимательного читателя, что это не личное пустое чудачество Манилова, это черта, действительно характерная для эпохи в целом (чтобы увидеть каменный мост через пруд, достаточно пройтись, например, по паркам Павловска).

⁴ Hom. *Odyss.* IV, 169–180.

Бессмысленность и вопиющая нефункциональность и этой затеи, и других античных «интенций» Манилова и прочих персонажей высвечивает достаточно серьезную проблему. Дело не в том, что конкретный мелкий помещик занят нелепыми прожектами (заметим, что «Храм уединенного размышления» Манилова напоминает о реальных беседках в «Долине Спокойствия», устроенной отцом Гоголя у себя в Васильевке)⁵. Возникает ощущение, что, по мнению Гоголя, западная культура, фундаментом которой являлась культура античности, на русской почве прививается с трудом, она сама становится под стать неказистой, ущербной природе, увиденной Чичиковым из окошка брички («по обеим сторонам дороги пошли писать чушь и дичь»). Через несколько десятилетий поэт А. А. Фет, сам переведший на русский язык огромный корпус римской поэзии, афористически-кратко сформулировал это соображение: «В Сыртах не встретишь Геликона, / На льдинах лавр не расцветет» («Вот наш патент на благородство...»).

О том, что происходящее в России XVIII–XIX вв. ускоренное, а подчас и торопливое, некритическое усвоение западной культуры представляло для Гоголя серьезную проблему, свидетельствует и его статья 1834–1835 гг. «Ал-Мамун», вошедшая в сборник «Арабески»⁶. (Это не просто статья, а открытая лекция, прочитанная в октябре 1834 г. в Петербургском университете, причем лекция, имевшая для Гоголя особое значение, — на нее были приглашены Жуковский и Пушкин.)

Материал статьи, казалось бы, далек от российских реалий. Гоголь пишет о том, что арабский средневековый правитель Ал-Мамун, побуждаемый благородной жадью просвещения и социального реформаторства, попытался «ввести в свое государство этот чуждый дотоле греческий мир», энергично насаждая западную науку, искусство, мировоззрение. Но бурное, стремительное усвоение античной культуры, «бесплодное чужестранное просвещение», заимствованное у Запада, не принесло пользы стране. По мнению Гоголя, Ал-Мамун «упустил из вида великую истину, что образование черпается из самого же народа, что просвещение нанос-

⁵ См., например: [Труайя, 2004, с. 7].

⁶ О проблематике этой статьи Н. В. Гоголя см. подробнее: [Куделин, 2006, с. 18–41].

ное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий». В результате страну начали сотрясать мятежи, и она стала стремительно утрачивать прежнее величие. История правления Ал-Мамуна видится Гоголю «поучительным уроком» тем, кто одержим идеями ускоренного, искусственного прогресса, не понимая необходимости органичного сочетания традиций и культурных новаций.

Оказалась ли Россия способной активно, творчески воспринять великое наследие античности? Что означает для России путь ускоренной вестернизации, начавшийся с Петровских времен? Нет ли в этом скороспелом приобщении массовой культуры (у Гоголя речь прежде всего идет о ней) к классическим традициям, воспринятым к тому же через посредство западноевропейской культуры, лишь бездумного эпигонства, механического, ремесленного копирования? Настойчивость упоминания античных реалий, так странно прижившихся на русской почве, свидетельствует о том, что эти вопросы достаточно важны в контексте гоголевского творчества. При этом Гоголь, 12 лет проживший за границей, восхищавшийся Италией, считавший Рим своей второй родиной, разумеется, был далек от проповеди культурного изоляционизма. Он лишь подчеркивал, что творческое соприкосновение России и Запада, диалог их культур, — это долгий и трудный процесс, требующий серьезных интеллектуальных и нравственных усилий.

В то же время в арсенале творческих средств Гоголя античные элементы играют и иную роль, возводя казалось бы низменное и бытовое к возвышенному и трагическому. Чтобы понять, как функционирует у Гоголя прием насыщения текста античными образами, обратимся к повести «Старосветские помещики». Общеизвестно недоумение Белинского, в целом высоко оценившего повесть: «Две пародии на человечество... пьют и едят, и едят и пьют, а потом, как водится исстари, умирают. Но отчего же это очарованье?» [Белинский, 1953–1959, т. II, с. 220]. Это мнение породило даже целую традицию: герои осуждались за бессмысленный, растительный образ жизни, хотя и отмечалась их любовь друг к другу. Между тем герои Гоголя существуют не в реальном простран-

стве, где подобные оценки могли бы иметь смысл. Место жительства героев, вне всякого сомнения — легендарный Золотой век. Как отмечал уже Г. А. Гуковский, на первой же странице Гоголь демонстрирует черты идеального, а не реального пространства [Гуковский, 1959, с. 79–80]: действительно, сад одновременно цветет (сирень — это весна), зеленеет свежей травкой (начало лета), но тут же упоминаются деревья, «потопленные багрянцем вишен и яхонтовым морем слив» (осень). Отсутствие холодного времени года, катастрофических событий и вообще всякого зла, обилие еды и питья, доброта и гостеприимство обитателей — все это создает идиллический хронотоп, наиболее полно осуществленный в легендарном Золотом веке. И судить героев надлежит именно по законам этого хронотопа, когда самыми главными добродетелями являются, как еще когда-то отмечал Ф. Шиллер в работе «О наивной и сентиментальной поэзии», «гармония и мир персонажа с собой и с внешней средой» [Шиллер, 1967, с. 440].

Сравнение с героями древнегреческого мифа также призвано возвысить персонажей, на первый взгляд ничем не примечательных. Гоголь настойчиво называет их Филемоном и Бавкидой, и на этом сравнении стоит остановиться особо. Древнегреческий миф, особенно ярко зафиксированный в «Метаморфозах» Овидия⁷, повествует о ничем не примечательных старике и старухе, единственными добродетелями которых были любовь друг к другу и гостеприимство, однако добродетели эти оказались практически уникальными в этом мире. Между гоголевской повестью и мифом легко провести прямые текстуальные параллели. Часть из них уже отмечалась в литературе, но выявлено далеко не все. Не только преданность, любовь, гостеприимство, бездетность, но и ряд мелких деталей: и маленький домик, и низкие потолки, и гусь, гуляющий по двору, и, несмотря на бедность, обильная и вкусная еда, — все это переходит почти без изменений в гоголевскую повесть. (Заметим, что Овидий так же, как и Гоголь, с удовольствием перечисляет яства: настойка терна, вино, редька, салат, молоко, творог, яйца, орехи, сушеные ягоды, смоквы, сливы, виноград, мед — он не видит в этом ничего низменного.) Но если у Овидия боги наградили

⁷ Ovid. *Metamorph.* VIII, 621–725.

за праведность Филемона и Бавкиду: жизнь их была долгой и беспечальной, а вместо смерти боги даровали им единовременное преобразование, сделав дубом и липой («Праведных боги хранят: почитающий — сам почитаем»), то в повести Гоголя благополучное легендарно-сказочное разрешение сюжета невозможно. И если у Овидия на месте жилищ нечестивых соседей — пруд с лягушками, а домик стариков стал храмом Зевса Гостеприимного, то у Гоголя добродетель не будет награждена, и для его героев невозможна высокая, мифологическая реализации. Их смерть не одновременна, Афанасию Ивановичу предстоят долгие мучения в разлуке, а на месте их разоренной усадьбы остается заросший пруд и ров. (Эти различия не были подчеркнуты у И. Есаулова, в целом справедливо отметившего связь с Овидием.)

Любопытно привести и еще один, кажется, не отмеченный критикой античный мифологический мотив: когда Пульхерия Ивановна собирается проведать дубовый лес, нещадно вырубаемый, ее выезд изображается торжественно, с элементами завуалированной фантастики: бричка издает «странные звуки, так что вдруг были слышны и флейта, и бубны, и барабан, каждый гвоздик и железная скобка звенели — за две версты». Именно такого рода музыка сопровождала в мифах появление Великой матери, госпожи лесов Кибелы, когда она выезжала осматривать свои владения.

Заметим, что сразу же после истории о Филемоне и Бавкиде Овидий рассказывает о нечестивом погубителе священного дуба в Церериной роще — Эрисихтоне: боги наказали его муками голода. Слуги же Пульхерии Ивановны беспрепятственно губят вековые дубы в ее роще⁸.

Присутствие античного элемента раскрывает потаенные семантические пласты повести. В «Старосветских помещиках» изображено не жалкое прозябание забавных «существователей» и «небокоптителей». На идиллическом материале воспроизводится великая загадка, заданная человечеству: наделенный умом и знанием, добродетелью и способностью любить, знающий лекарства от всех

⁸ Представляется совершенно неверным толкование Гриффитса и Рабиновича, увидевших в «Старосветских помещиках» «тему обжорства», сблизяющую старичков с преступным, пожирающим самого себя Эрисихтоном [Гриффитс, Рабинович, 2005, с. 84].

болезней, человек беспомощен перед смертью и в этом смысле один эпизод из «Старосветских помещиков» может быть соотнесен со знаменитым первым стасимом из «Антигоны» Софокла: у Пульхерии Ивановны есть удивительные настойки — лекарства от всех болезней (боль в лопатках и пояснице, звон в ушах, лишаи, удар об угол шкафа), а вот от смерти лекарства нет. Как справедливо отмечал еще Г. А. Гуковский, горестный возглас Афанасия Ивановича «Так вот вы это уже и погребли ее! Зачем?» поднимает «серенького» героя «к высотам трагизма» [Гуковский, 1959, с. 85]. Приведенный нами контекст позволяет уточнить и подтвердить это соображение: Гоголь сближает казалось бы заурядных героев с персонажами высокой античной трагедии.

Античность призвана не только универсализировать повествование. Сама проблематика сборника «Миргород», его историософская концепция расшифровывается только в контексте античных реминисценций. Композиционная целостность столь разнородного сборника обеспечивается возможностью соотнесения его повестей с гесиодовским мифом о пяти веках (в варианте мифа, содержащемся в «Метаморфозах» Овидия, — четыре века: Золотой, Серебряный, Медный и Железный).

К этой идее был близок Г. А. Гуковский, однако он не стал подробно разворачивать эту концепцию. И. Есаулов же применил ее к гоголевскому тексту, но сделал это достаточно механистично, а потому не вполне убедительно. Так, например, он называет повесть «Тарас Бульба» воплощением Серебряного века, так как «герои уже имеют врагов, и есть насильственная смерть» [Есаулов, 1995, с. 80]. Однако эти признаки не имеют отношения к Серебряному веку.

Гораздо естественнее первую повесть «Старосветские помещики» соотнести с Золотым и отчасти с Серебряным веком: блаженная, беспечальная жизнь, затем — появление смерти. Люди Серебряного века жили до ста лет как малосмыслящие младенцы, а затем умирали, и Товстогубы напоминают их своим простодушием и наивностью. «Тараса Бульбу» имеет смысл сравнивать с Медным веком (а еще вернее, с гесиодовским Веком героев). В «Вие», по видимому, следует видеть наступление Железного века. Люди перестали быть героями, хотя внешне еще похожи на своих грозных

предков-запорожцев, между тем как силы зла крепнут и требуется героическое начало, чтобы преодолеть их. Но характер Хома Брута лишен необходимой цельности, он шаток — и это отражено в его героическом, античном прозвище «Брут» — и в заурядном малороссийском имени «Хома». Самосознание Хома также весьма смутно («я сирота», «сам я — черт знает что»), Хома не знает ни своего отца, ни матери. Потому он и не может противостоять Вию, образ которого символичен: «Лицо было на нем железное» (2, 217). В последней же повести Железный век предстает во всей своей зловещей сущности: люди перестали быть людьми, жизнь их проходит в раздорах, обманах, коварстве, насилиях, в точности как описано у Овидия⁹.

Серьезную роль играет античность и в повести «Шинель». В критике много говорилось о полисемантической повествования, дающей простор для различных толкований образа Акакия Акакиевича и проблематики в целом. В советское время было популярно идущее от Н. Г. Чернышевского представление о Башмачкине как о «полуидиоте-полубукве». Исследователи, как правило, делали акцент скорее на резких противоречиях этого образа, отмечая беззлобие героя — и его ничтожность, мечты о Светлой Гостье, которая в то же время является теплой шинелью на вате. Кротость и неприхотливость героя, правда, соотносили с чертами его небесного покровителя, Акакия Синайского, но это сходство виделось факультативным, не связывалось с общей идеей повести. Мало того, черты этого житейного персонажа виделись утраченными в результате искушения Башмачкина дьяволом, приобретавшим облик бытового мороза. Согласно толкованию Э. Хипписли, а также П. Е. Бухаркина, главный смысл истории о Башмачкине заключен в евангельской проповеди — «не накапливайте себе сокровищ на земли» (Мф: 6, 19–21); П. Е. Бухаркин даже прямо называет этот текст «источником новеллы» [Бухаркин, 1996, с. 202]. Герой при этом оказывается совращенным уже не столько дьяволом-морозом, сколько идеей комфорта, богатства — и наказание не замедлило явиться: он и после смерти не может найти покоя и в облике привидения пугает горожан.

⁹ Ovid. *Metamorph.* 130–131, 159.

При всей соблазнительной простоте и ясности подобной трактовки она становится возможной только в том случае, если не принимать в расчет семантику имени героя. 'Акакіа означает не просто «кротость», «беззлобие», но и в целом — состояние, противоположное злу. Мало того, оно закреплено дважды, в имени и отчестве (матери героя не удалось выбрать по святцам другое имя) и обозначает основной стержень образа Акакия. Именно 'акакіа сближает героя «Шинели» и с евангельскими и житийными персонажами: он смиренен, долготерпелив, не ищет ни чинов, ни карьеры, служит там, куда его поставила судьба, неприхотлив и у жизни (у Бога) просит одного — милосердия.

Кротость «в квадрате» подкрепляет и содержащиеся в повести скрытые параллели с романтическими героями Гофмана: студент Ансельм из «Золотого горшка», который, чтобы попасть в царство идеального духа и обрести счастье с возлюбленной Серпентиной, должен усердно и смиренно *переписывать* старинную рукопись; чудака Перигринус Тис из «Повелителя блох» выглядит и ведет себя как кроткий ребенок. Таким образом, соглашаясь с идеей П. Е. Бухаркина об иерархии претекстов, согласно которой наиболее значительным источником «Шинели» является Евангелие, заметим, что смыслообразующую функцию несет в себе, конечно же, не тезис о греховном накоплении сокровищ: теплая шинель на вате — не предмет роскоши, а необходимое условие для выживания петербургской зимой. Если говорить о Евангелии как о претексте — это, скорее, знаменитая фраза Башмачкина «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете», в которой звенело «Я брат твой» — то есть кроткий герой Гоголя пытается напомнить очерстевшим современникам подзабытый ими знаменитый евангельский завет «Возлюби ближнего как самого себя». Финальное же явление призрака призвано не столько прояснить загробную судьбу умершего героя, сколько научить и вразумить живых и грешных, прежде всего «значительное лицо»: в начале 1840-х гг. для Гоголя все большую важность приобретает именно вопрос о возможности воскресения для самых безнадежных в нравственном смысле героев.

Таким образом, античные элементы в творчестве Гоголя выполняют различные функции: с одной стороны, возведение сюжетов

и образов к знаменитым архетипическим первоосновам дает возможность раскрыть их глубокий, неявный на первый взгляд смысл; вне античных коннотаций не могут быть до конца поняты и «Старосветские помещики», и сборник «Миргород» в целом, и повесть «Шинель». С другой стороны, они дают возможность Гоголю, сочетая трагедийное и трагедийное, строить глобальные историософские и культурологические схемы, проясняя сложные взаимоотношения русской культуры и европейского Возрождения, а также возможности и перспективы дальнейшего пути России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953–1959. Т. II. 755 с.
2. *Бухаркин П. Е.* Об одной евангельской параллели к «Шинели» Н. В. Гоголя (к проблеме внетекстовых факторов смыслообразования в повествовательной прозе) // Концепция и смысл: сб. статей в честь 60-летия проф. В. М. Марковича. СПб., 1996. С. 197–211.
3. *Вайль П., Генис А.* Родная речь. Уроки изящной словесности. М.: Независимая газета, 1991. 191 с.
4. *Вулих Н. В.* Античные мотивы и образы в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Русская литература. 1984. № 1. С. 143–153.
5. *Гриффитс Ф. Т., Рабинович С. Дж.* Третий Рим. Классический эпос и русский роман (от Гоголя до Пастернака) / пер. с англ. Е. Г. Рабинович. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. 336 с.
6. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. М., 1993. 592 с.
7. *Гоголь Н. В.* Полное собр. соч.: в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 2. 763 с.
8. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Письма. Т. 12. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 444 с.
9. *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.: Художественная литература, 1959. 532 с.
10. *Есаулов И. А.* Спектр адекватности в истолковании художественного произведения: «Миргород» Гоголя. М.: РГГУ, 1995. 100 с.
11. *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л.: Наука, 1964. 440 с.
12. *Иванов Вяч.* «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана // Театральный октябрь. Л.; М., 1926. С. 89–99.
13. *Иофанов Д. Н. В.* Гоголь: детские и юношеские годы. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 429 с.

14. *Куделин А. Б.* Новые тенденции в изучении русской классической литературы: Николай Васильевич Гоголь // Современность классицизма: Лекции по истории русской литературы. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 18–41.
15. *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820–1832). Киев, 1879. 158 с.
16. *Набоков В.* Лекции по русской литературе. М.: Независимая Газета, 2001. 440 с.
17. *Николай М.* [П. Кулиш] Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. С. 20–21.
18. Н. В. Гоголь в русской критике: сб. статей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 1271 с.
19. *Радциг С. И.* Гоголь и Гомер // Вестник Московского университета. 1959. № 4. С. 129–133.
20. *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1978. 398 с.
21. *Труайя А.* Николай Гоголь. М.: Эксмо, 2004. 636 с.
22. *Шиллер Ф.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 794 с.
23. Horatius. *Opera*, ed. F. Klingner. Leipzig: Teubner, 1982. XXV, 378 p.
24. Perlina N. «Майская ночь» Н. Гоголя в буколическом контексте поэзии Феокрита [N. Gogol's May' night in bucolic context of Pheocrit's poetry] / Русский текст (19 век) и античность [Russian Text (19 century) and Antiquity] / ed. by Katalin Kroo and Peeter Torop. Budapest; Tartu: L'Harmattan, 2008. С. 151–168.
25. *Proffer K.* The Simile and Gogol's Dead Souls. The Hague: Mouton, 1967. Pp. 161–182.

REFERENCES

1. Belinskii V.G. *Polnoe sobranie sochinenii*: V 13 t. [Complete Works by V. Belinsky, in 13 volumes] Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953–1959. T. II. 755 s.
2. Bukharkin P.E. *Ob odnoi evangel'skoi paralleli k «Shineli» N.V. Gogolia (k probleme vnetekstovykh faktorov smysloobrazovaniia v povestvovatel'noi proze)* [On one evangelical parallel to Gogol's short story "The Overcoat": Revisiting the problem of non-textual factors of meaning-making in narrative prose]. *Kontseptsii i smysl: sb. statei v chest' 60-letii prof. V.M. Markovicha* [Concept and Meaning: A Collection of Papers dedicated to Professor V.M. Markovich on the occasion of the 60th anniversary of his birth]. Saint Petersburg, 1996. S. 197–211.

3. Vail' P., Genis A. *Rodnaia rech'. Uroki iziashchnoi slovesnosti* [Our Native Speech. Lessons in Belles-Lettres]. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 1991. 191 s.
4. Vulikh N.V. Antichnye motivy i obrazy v povesti Gogolia «Taras Bul'ba» [Classical Motifs and Images in Gogol's Story "Taras Bulba"]. *Russkaia literatura*. 1984. № 1. S. 143–153.
5. Griffiths F.T., Rabinovich S.Dzh. *Tretii Rim. Klassicheskii epos i russkii roman (ot Gogolia do Pasternaka)*, per. s angl. E.G. Rabinovich [The Third Rome: The Classical Epic and the Russian Novel: From Gogol to Pasternak, transl. from English by E.G. Rabinovich]. Saint Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2005. 336 s.
6. Vaiskopf M. *Siuzhet Gogolia [Gogol's Story]*. Moscow, Радикс, 1993. 592 s.
7. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t. / AN SSSR; I-t rus. lit. (Pushkin. Dom)* [Complete Works by Gogol, in 14 volumes, RAS, the Institute of Russian Literature (the Pushkin House)]. Moscow; Leningrad, AN USSR Publ., 1937–1952. T. 2. 763 s.
8. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t. / AN SSSR; I-t rus. lit. (Pushkin. Dom)* [Complete Works by Gogol, in 14 volumes, RAS, the Institute of Russian Literature (the Pushkin House)]. T. 12. Pis'ma. [Vol. 12. Letters]. Moscow, AN USSR Publ., 1952. 444 s.
9. Gukovskii G.A. *Realizm Gogolia [Gogol's Realism]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1959. 532 s.
10. Esaulov I.A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii khudozhestvennogo proizvedeniia: «Mirgorod» Gogolia* [The Range of Adequacy when Interpreting a Work of Literature: Gogol's Mirgorod]. Moscow, RGGU Publ., 1995. 100 S.
11. Egunov A. N. *Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov* [Homer in Russian Translations of the 18th and the 19th Centuries]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1964. 440 s.
12. Ivanov Viach. «Revizor» Gogolia i komediia Aristofana [Gogol's Inspector General and Aristophanes' Comedy]. *Teatral'nyi oktiabr'* [Theatrical October]. Leningrad; Moscow, 1926. S. 89–99.
13. Iofanov D. N.V. *Gogol': detskie i iunosheskie gody* [Gogol: Childhood Years and Youthhood]. Kiev, AN USSR Publ., 1951. 429 c.
14. Kudelin A.B. *Novye tendentsii v izuchenii russkoi klassicheskoi literatury: Nikolai Vasilievich Gogol'*. *Sovremennost' klassiki: Lektsii po istorii russkoi literatury* [New trends in studies of classical Russian literature: Nikolai Vasilievich Gogol. Modernity of the Classics: Lectures in History of Russian Literature]. Saint Petersburg, SPbGUP Publ., 2006. S. 18–41.
15. Lavrovskii N.A. *Gimnaziia vysshikh nauk kn. Bezborodko v Nezhine (1820–1832)* [Prince Bezborodko's School of Higher Sciences in Nezhin (1820–1832)]. Kiev, 1879. 158 s.

16. Nabokov V. *Leksii po russkoi literature* [Lectures on Russian Literature]. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 2001. 440 S.
17. Nikolai M. [P. Kulish] *Zapiski o zhizni N.V. Gogolia*. [Sketches on the Life of N.V. Gogol]. Saint Petersburg, 1856. S. 20–21.
18. *N.V. Gogol' v russkoi kritike: sb. statei* [A Few Words on Gogol's Poem (Arabesques and Mirgorod). N.V. Gogol in Russian Literary Criticism: A Collection of Papers]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1953. 1271 S.
19. Radtsig S.I. Gogol' i Gomer [Gogol and Homer]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 1959. № 4. S. 129–133.
20. Mann Iu. *Poetika Gogolia* [Gogol's Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978. 398 s.
21. Truaia A. *Nikolai Gogol'* [Nikolai Gogol]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 636 s.
22. Shiller F. *Sobranie sochinenii: V 7 t.* [Complete Works by Schiller, in 7 volumes] T. 6. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1967. 794 s.
23. Horatius. *Opera*, ed. F. Klingner. Leipzig, Teubner, 1982. XXV, 378 p.
24. Perlina N. «*Maiskaia noch'*» N. Gogolia v bukolichestvom kontekste poezii Feokrita [N. Gogol's May' night in bucolic context of Pheocrit's poetry]. *Russkii tekst (19 vek) i antichnost'* [Russian Text (19 century) and Antiquity], ed. by Katalin Kroo and Peeter Torop. Budapest; Tartu, L'Harmattan, 2008. S. 151–168.
25. Proffer K. *The Simile and Gogol's Dead Souls*. The Hague, Mouton, 1967. Pp. 161–182.

Успенская Анна Викторовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Anna Uspenskaya

PhD in Philology (doktor nauk), Full Professor at St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

E-mail: uspenskaja@rambler.ru